

СМЕХ И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

Необходимость изучения современной философией, культурологией многообразных форм человеческой жизнедеятельности делает важными исследования о формах проявления смеха в человеческом бытии. Утвержденная исследованиями М. Бахтина значимость смеховой культуры для человеческого существования, обретения им подлинных параметров жизни, делает привлекательными для ученых проблемы смеха. В условиях формирования информационного общества **актуальной исследовательской проблемой** становится вопрос о сущности, механизмах, возможностях и пределах взаимопонимания. Учитывая значимость в осуществлении коммуникативной деятельности смехового компонента, авторы данной статьи обращаются к **исследованию роли смеха в достижении взаимопонимания.**

Проблеме смеха и взаимопонимания посвящены интересные исследования [1; 2], в которых утверждается, что смех воспринимается сигналом, свидетельствующим о недопонимании происходящего участниками коммуникативной ситуации. **Авторы же видят своей целью** рассмотрение роли смеха в качестве важного фактора взаимопонимания.

Смех и улыбка, которая может быть рассмотрена как разновидность смеха, хотя возможна точка зрения об их несовпадении [2, с. 14], часто являются выражением соответствующего эмоционального состояния человека (счастья, радости) и искренней (или неискренней) реакцией на определенную ситуацию. При этом характер смеха зависит от многих психологических качеств. Интроверты и экстраверты смеются (улыбаются) по-разному. Смех флегматика отличается от смеха холерика или меланхолика.

В то же время смех и улыбка – это и социокультурное явление, регулируемое определенными культурными и общественными процессами и нормами: системой воспитания и образования, юридическими запретами, религиозными установками, общественным мнением, особенностями коммуникации в данной местности или историческом периоде и др. Доказано, что улыбка, как и другие сигналы общения, вызывается намного чаще именно в присутствии других людей в ходе коммуникации и посредством обратной связи создает повышенные положительные эмоции у улыбающегося человека [1, с.190]. Однако сделаем оговорку, последнее касается не всех видов улыбок и смеха.

Смех и его разнообразные виды, как в условиях различных культур, так и в рамках одной культуры или социума несут некоторую информацию, сопровождаются определенными знаками, имеющими значения и смыслы, которые расшифровываются и принимаются или отвергаются окружающими. Это дает основание говорить о смехе как коммуникативном процессе, в ходе которого устанавливается (или не устанавливается) взаимопонимание между субъектами коммуникации.

Анекдот, остроту, шутку и т.п., что вызывает смех или улыбку, можно назвать объектом смеха. Коммуникантов, участвующих в смеховом процессе, т.е. шутников, пытающихся вызвать смех, и их слушателей, принимающих или не принимающих шутки, – субъектами смеха. В некоторых случаях объект и один из субъектов смеха могут совпадать, например, клоун, пытающийся вызвать смех над собой. Между субъектами смеха устанавливаются отношения понимания (взаимопонимания), когда они включены в единое смысловое поле, позволяющее им примерно одинаково истолковать заложенный в объекте смеха или приписанный ему смысл. Поскольку понимание всегда субъективно, ибо определяется индивидуальным полем смыслов, не вполне совпадающим с общим смысловым полем, возможна множественность и даже альтернативность пониманий как следствие осмысления объекта смеха различным образом, в частности, в различных социокультурных традициях, нравственных нормах, идеологических клише и т.д. Поэтому

рискнем утверждать, что понимание объекта смеха всегда имеет место, поскольку субъект всегда приписывает той или иной смысл объекту смеха. Однако взаимопонимание (или адекватное понимание), т.е. тождество приписываемых смыслов, достигается не всегда. Характерный пример встречаем в комедии А. Грибоедова «Горе от ума». Фамусов и Чацкий не достигают взаимопонимания, поскольку в соответствии с различными нравственными принципами по-разному понимают объект смеха, которым стал надменный вельможа. Тот нечаянно оступился и упал, больно ударившись затылком, во время торжественного приема во дворце, чем вызвал «высочайшую» улыбку, после чего упал уже специально два раза подряд, и улыбка перешла в веселый хохот. Благодаря такому «осмеянию» вельможа попал в фавору. Фамусов одобряет это шутовство, Чацкий его осуждает, полагая, что новое поколение иначе понимает подобный объект смеха и смеялось бы иначе:

«Но между тем, кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?

...Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит...» [5, с.32-33].

Объект смеха, сам смех и его характер определяются в целом социально-культурными условиями, задающими некоторое смысловое поле, в рамках которого осуществляется понимание объекта смеха. Одно и то же явление может быть очень смешным в одной культуре и не быть таковым – в другой. Нынешние читатели очень удивляются, когда узнают, что современники Пушкина весело смеялись над его фразой в «Евгении Онегине»: «На кляче тощей и косматой сидит форейтор бородатый» [7, с.305], и приходится долго растолковывать, что же здесь смешного, кто такой форейтор и почему он был бородатым, хотя таковым быть не должен. В различных социальных группах или разных социально-исторических условиях также имеют место неодинаковые смеховые реакции на объект смеха, а порой выявляются различные, в том числе не смешные, уровни понимания смешной ситуации. Примером может служить типичный юмористический образ нэпмана в советской литературе – владельца Одесской бубличной артели «Московские баранки» в городе Черноморске гражданина Кислярского, созданный И. Ильфом и Е. Петровым в «Двенадцати стульях». Однако при современном прочтении за смешным образом Кислярского открывается весьма грустная с цивилизованной точки зрения вещь: полная беззащитность крупного социального слоя нэпманов, свидетельством чего является знаменитая универсальная «допровская корзинка» Кислярского. Она служила ему и кроватью, и столом, и шкафом, и была необходима в первую очередь в допре (тюрьме), куда из-за полного беззакония нэпман мог попасть в любую минуту [6, с.214-217]. Последнее обстоятельство сейчас вызывает грустную улыбку уже по поводу знаменитых авторов, не понимавших преступности государственного беззакония.

Человек может смеяться в одиночестве, вспомнив или прочитав анекдот, оказавшись в смешной ситуации или увидев некий объект смеха. Однако и в этом случае налицо коммуникация и процесс понимания и взаимопонимания по поводу объекта смеха. Во-первых, смысловое поле индивида сформировалось под влиянием общепринятых смыслов и продолжает испытывать их воздействие. Во-вторых, в объект смеха, например, в прочитанный анекдот, заложен некоторый смысл его создателем. В-третьих, субъект смеха, приписав определенный смысл воспринимаемому объекту смеха, понял его. В-четвертых, в случае совпадения приписанных объекту смеха смыслов достигается взаимопонимание, хотя один из субъектов может находиться в другом месте или иной исторической эпохе.

В коммуникативном процессе смехом или улыбкой дают понять нечто. Ответная улыбка или смех означают адекватное понимание или его имитацию в случае вежливого

смеха. Адекватное понимание в данном случае есть взаимопонимание (или его определенная степень, поскольку полное взаимопонимание проблематично), в противном случае налицо неадекватное понимание как отсутствие взаимопонимания, часто неточно называемое непониманием. Подобная ситуация описана М. Булгаковым в «Мастере и Маргарите» в сцене сеанса черной магии в варьете, когда конферансье Жорж Бенгальский, напуганный небывалым денежным дождем и стараясь повернуть ситуацию в русло взаимопонимания, провозгласил: «Попросим же маэстро Воланда разоблачить нам этот опыт. Сейчас, граждане, вы увидите, как эти, якобы денежные, бумажки исчезнут также внезапно, как и появились. Тут он заплодировал, но в совершенном одиночестве, и на лице у него при этом играла уверенная улыбка. Но в глазах этой уверенности отнюдь не было, и скорее в них выражалась мольба. Публике речь Бенгальского не понравилась. Наступило полное молчание...» [4, с.495]. Неадекватно понятый публикой и магами Бенгальский поплатился головой.

Приветливыми улыбками и дружескими шутками дают понять, что встречают своего или чужого как своего. Напротив, насмешливыми улыбками и оскорбительными шутками встречают врагов или чужих, которым хотят подчеркнуть культурное различие, социальную дистанцию или просто несовпадение взглядов или интересов. Многие века «верхи» зло смеялись над манерами простолюдинов, «низы» отнюдь не дружелюбно пародировали поведение знати, смехом разделяя своих и чужих и добиваясь взаимопонимания с единомышленниками. Многие так называемые этнические анекдоты, возникшие в полиэтнических государствах, например, в царской России или Советском Союзе, дают понять разницу в социальном или культурном положении, часто высмеивая не столько типичные национальные черты, сколько приписанные данному этносу общечеловеческие недостатки: глупость, жадность, невоспитанность, необразованность и т.п.

Смех обычно связан с соответствующей мимикой и звуками, несущими определенную информацию, имеющими значение, смысл для субъектов коммуникации. Причем смеющийся человек может выражать свое эмоциональное состояние произвольно, не вкладывая специального смысла в свой смех. Однако, другие субъекты коммуникации осмысливают его смех, присоединяясь или, наоборот, протестуя. Например, произвольный чистосердечный смех может демонстрировать невоспитанность или пренебрежительное отношение к окружающим. Носитель смеха в этом случае не считается с другими членами коммуникативного процесса, тем более, если они являются объектами смеха. Так весело смеялся Остап Бендер, когда увидел следы краски «Титаник» на голове Воробьянинова: «Он внимательно посмотрел на Ипполита Матвеевича и радостно засмеялся. Отвернувшись от директора-учредителя концессии, главный руководитель работ и технический директор содрогался, хватался за спинку кровати, кричал: «Не могу!» – и снова бушевал.

– С вашей стороны это нехорошо, товарищ Бендер, – сказал Ипполит Матвеевич, с дрожью шевеля зелеными усами. Это придало новые силы изнемогшему было Остапу. Чистосердечный его смех продолжался еще минут десять» [6, с.54]. И напротив, смеющийся часто подчеркнуто выражает своим смехом собственное отношение к ситуации или собеседнику, не обязательно совпадающее с его эмоциональным состоянием, а порой и противоречащее ему. Таков язвительный или иронический смех, а иногда смех номинальный, провозглашенный: «это просто комедия!», «смех, да и только!», «очень смешно!», хотя провозглашающий смех человек при этом не смеется. Примером может служить реплика профессора Преображенского из булгаковского «Собачьего сердца»: «...когда эти баритоны кричат «бей разруху!» – я смеюсь. (Лицо Филиппа Филипповича перекосило...). Клянусь вам, мне смешно!» [3, с.172].

С другой стороны, участники коммуникации обязательно «читают» смех смеющегося, в частности, через сопровождающие его знаки, наделяя его собственным смыслом, не обязательно совпадающим с носителем смеха.

Как особые коммуникативные знаки можно рассматривать разные виды мимики, в частности, улыбку, имеющую широкий диапазон от веселой и радостной до грустной и меланхоличной, или отсутствие улыбки в объективно смешной ситуации. Такими знаками являются и звуки, выражающие смех, например, ха-ха-ха, хи-хи-хи, хо-хо-хо, хе-хе-хе, прысканье, фырканье и т.д.

Особого анализа заслуживает понятие «объективно смешная ситуация». Не вдаваясь в детали, заметим, что таковой может быть названа ситуация, осмысленная с позиций определенных культурных идеалов и норм, разделяемых субъектами коммуникации. В различных культурных или субкультурных сообществах объективно смешные ситуации могут не совпадать.

Смех может специально подчеркивать более высокое социальное положение смеющегося по сравнению с другими участниками коммуникации или безразличие к ним. Это может быть и самооценка, выражающая некоторое превосходство над собственным прошлым или преодоленной слабостью смеющегося. В художественной литературе такой смех часто обозначается звуками «хо-хо-хо». В скобках заметим, что аналогичные звуки из словаря людоедки Элочки проходят по несколько иной классификации, поскольку она произвольно приписала им универсальный смысл, выражающий «в зависимости от обстоятельств: иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность» [6, с.180].

Смех, выражающийся звуками «хи-хи-хи», обычно называют хихиканьем. Он особым образом характеризует ситуацию, в которой преимущественно нет ничего смешного, и смеющегося, издающего подобные звуки. Хихиканье часто не выражает смехопорождающего эмоционального состояния смеющегося, а адресовано в первую очередь участникам коммуникации. В этом случае смеющийся (обычно с помощью описывающего ситуацию наблюдателя) как бы выражает самооценку, символизирует свою неловкость, приниженность, раболепие, сознание своего ничтожества. Именно так, по типу «хи-хи-хи», у Чехова стал смеяться Тонкий, когда узнал, что встреченный им гимназический товарищ намного опередил его в чинах: «Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с... Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал... Хи-хи-хи» [8, с.64]. Существенно, что до этого, искренне обрадованный встречей, Тонкий, вспоминая гимназические годы и иронизируя по поводу себя и Толстого, смеялся по типу «хо-хо-хо»: «Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо...» [8, с.63]. Участники коммуникации осмысливают хихикающий смех, прежде всего, как характеристику его носителя (глупец, чинопочитатель, манерничающий, негодяй, пошляк), а не как оценку ситуации или объекта смеха.

Смех, выражающийся звуками «ха-ха-ха», чаще всего знаменует искренний смех. Такой смех оценивает в первую очередь ситуацию, признанную смешной, а носителя смеха характеризует как независимого человека. Подобный характер смеха подчеркивает равенство участников коммуникации.

Смех может выражать скептическое, ироническое, презрительное отношение к собеседнику, являться свидетельством превосходства, причем в ситуации, которая не обязательно является смешной. Литераторы обозначают его звуками «хе-хе-хе». Примером может служить гневное обличение поэтом Иваном Николаевичем Бездомным своего собрата по перу Александра Рюхина в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова: «Посмотрите на его постную физиономию и сличите с теми звучными стихами, которые он сочинил к первому числу! Хе-хе-хе...» [4, с.440].

Дружественный смех или улыбка как ответ на шутку собеседника часто является знаком принятия собеседника в свой круг, демонстрацией единства или поддержки, фактором взаимопонимания или его имитации, например, в случае вежливого смеха или снисходительной улыбки.

Нередко в серьезных мероприятиях, например, во время публичных выступлений политиков, специально провоцируются смешные ситуации для установления взаимопонимания. Самый известный политик-рассказчик анекдотов американский президент Авраам Линкольн искусно отбирал анекдоты, которые представляли его таким, каким он хотел себя подать: грубоватым, добродушным, знающим жизнь.

Для публичного политика часто важно не столько то, что и как он делает, сколько то, что и как он говорит. Поэтому имиджмейкеры стараются сделать их говорение зрелищным, ярким. В этом отношении политик с чувством юмора, умеющий развеселить аудиторию, имеет явное преимущество. При этом используются разнообразные средства, чтобы вызвать дружеское или благожелательно-критическое настроение аудитории. Шутка или смешная история заставят одних рассмеяться, других прыснуть, третьих только улыбнуться. Во всех случаях это будет знаком взаимопонимания. Напротив, отсутствие смеховой реакции явится свидетельством отсутствия взаимопонимания вплоть до враждебного настроения аудитории.

Типичные случаи отсутствия взаимопонимания в смеховой коммуникации обусловлены как минимум пятью причинами:

Во-первых, это может быть отсутствие чувства юмора у всех или некоторых участников коммуникации. Классическим примером стала теща Зиновия Гердта, которую он называл Шуней и считал святой, поскольку она, приписывая буквальный смысл анекдотическим ситуациям, искренне сочувствовала персонажам анекдотов и никогда над ними не смеялась.

Во-вторых, отсутствие взаимопонимания может быть связано с идеологическими и политическими табу. Политическая власть была и остается единственной сферой деятельности, способной опереться на силу, чтобы избавить себя от насмешек и существенно ограничить объекты смеха. Например, анекдоты, шутки или остроты по поводу партийно-государственных деятелей Советского Союза, политики коммунистической партии, социалистических, коммунистических и других идеологических стереотипов граничили с уголовным преступлением. Смешные миниатюры или шутки, исполняемые публично на эстраде или в телепередачах, подлежали жесткой цензуре. Тоталитарные режимы загнали смех над властью и политикой в подполье, где он продолжал существовать лишь в виде особого смехового жанра – политического анекдота. Преследование их авторов и слушателей было свидетельством непонимания анекдотов представителями власти, а именно отсутствия взаимопонимания. Смех исключается также над национальными политическими, религиозными символами, возможно даже юридическое преследование за их осмеяние или смешное изображение. Смех табуирован во время официальных политических, религиозных и тому подобных ритуалов и церемоний (тем более над ними), потому и называемых серьезными, что исключают смех. Превращение их в объект смеха будет понято, но не будет воспринято адекватно замыслу. В то же время о них существует огромное количество анекдотов, веселых повествований и реальных смешных случаев, но рассказываемых в другом месте и в другое время.

В-третьих, препятствием взаимопониманию могут стать нравственные идеалы и нормы. Они вне смеха, более того, с позиций данных идеалов и норм (не всегда явно сформулированных) подвергается осмеянию реальность или другие идеалы и нормы, например, прошлой или чужой культуры, признаваемые в этом плане не идеальными и не нормальными, поскольку они погружаются в особый несвойственный им смысловой контекст. Вряд ли будет соответствовать нормам нравственности смех над человеком,

которому угрожает смерть. Смех безнравственен над честью и достоинством личности и разрешен лишь в специальных жанрах (сатира, карикатура, шарж и др.), да и то при определенных оговорках, например, шарж должен быть дружественным.

В-четвертых, отсутствие взаимопонимания может быть обусловлено чуждыми или не вполне совпадающими культурными нормами, традициями, различным общекультурным уровнем. Известно, например, что человек с более высоким культурным уровнем больше смеется над словом, чем действием, при низкой культуре – наоборот. Некоторые исследователи обнаруживают корреляцию между объектом смеха и культурой данного народа, обращая внимание на то, что, например, американцы много смеются над падающим, спотыкающимся или вообще попадающим в неловкую ситуацию человеком.

В-пятых, отсутствие взаимопонимания может быть вызвано неудачной трансляцией смысла смеховой ситуации или объекта смеха от одного участника коммуникации к другому. Так, юмор, шутки бывают оригинальными или заимствованными, уместными или неуместными, тонкими или плоскими и т.д. В любом случае они несут информацию о юмористе, позволяют понять его, хотя реакция может быть не такой, как ожидал автор. Анекдоты или остроты не будут уместными в учебной лекции, политическом диспуте или эстрадном выступлении только потому, что смешны. Они могут оказаться помехой взаимопониманию, если четко не выразят мысль или окажутся известными слушателям, избитыми.

Выводами, к которым приводит произведенное в данной статье исследование, будет утверждение важной роли смеха как средства и знака достижения взаимопонимания. Обеспечивается взаимное понимание участников коммуникативной ситуации общим культурным контекстом, одинаковой осведомленностью их в механизмах производства комического и смешного в данную эпоху.

1. Аргайл М. Психология счастья. – М., 1990.
2. Бардина Н. В. Смех и слезы недопонимания // О природе смеха. Материалы круглого стола. – Одесса, 2000.
3. Булгаков М.А. Дьяволиада: Повести, рассказы, фельетоны, очерки. – Кишинев, 1989.
4. Булгаков М.А. Пьесы. Романы. – М., 1991.
5. Грибоедов А.С. Горе от ума. – М., 1967.
6. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. – К., 1957.
7. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Соч. в 3-х т. Т.2. – М., 1986.
8. Чехов А. П. Толстый и тонкий. Рассказы.- М., 1985.